

мисомъ появятся большие корабли“ (Вместо предисловия).

Перед лицомъ народовъ сложная задача; они требуют определенного образа решений, определенного, ясного, какъ Божий день, слова. И радоваться только тому, что изъ-за узкаго мыса плывутъ корабли, еще рано: большие корабли часто приносятъ большую заразу.

„Нечаянная Радость“ определенно пронизана все тѣмъ же всплескомъ ницаго:

Кто взманилъ меня на путь знакомый?

Ницій, распѣвающій псалмы?

(Стр. 97).

Ницій ли это странникъ, или горе-гореваньице? Во всякомъ случаѣ не псалмы распѣвааетъ ницій, а панихида:

Со святыми меня упокой.

(Стр. 24).

Сквозь бѣсовскую прелестъ, сквозь ласки, расточаемыя *чертеняткамъ*, подчасъ сквозь поддѣлку подъ *дѣтское* или просто *идиотское* обнажается вдругъ надрывъ души глубокой и чистой, какъ бы спрашивющей судьбу съ удивленной покорностью: „Затѣмъ, за что?“ И увидавъ этотъ образъ, мы уже не только преклоняемся передъ крупнымъ талантомъ, не только восхищаемся совершенствомъ и новизною стихотворной техники,—мы начинаемъ горячо любить обнаженную душу поэта. Мы съ тревогой ожидаемъ отъ нея не только совершенной словесности, но и совершенныхъ путей жизни.

Книга издана съ обычнымъ изяществомъ, присущимъ всѣмъ изданіямъ „Скорпиона“.

A. Бѣлый.

АЛЕКСІЙ РЕМИЗОВЪ. „ПОСОЛОНЫ“. 1907.
Изд. журнала „Золотое Руно“. Ц. 1 р.

То, о чёмъ А. Кондратьевъ говорилъ въ своей рецензіи о моей книжкѣ такъ вяло и мелко, дѣйствительно существуетъ. Дѣйствительно, уже начинаетъ наша молодая литература осознавать будущее и, предвидя великое искусство освободившейся Руси, несетъ и свои кирпичики къ будущему монументу. Кирпичики, потому что Илья-то еще сидитъ, калики только-только пришли.

Именно такой исторический моментъ—ожиданія и каинуна—заставляетъ всякое теперешнее национальное творчество быть сгущеннымъ, напитаннымъ до пресыщенія, быть возвомъ драгоценностей, который надо развозить во всѣ стороны, чтобы отдельные камни засверкали всѣми гранями.

Таковъ и есть Алексій Ремизовъ. Сидитъ, корпить,

выискиваетъ, подбираетъ буковку къ буковкѣ, сверлить себѣ мозгъ, бисеромъ картину пытать. Инымъ быть еще не можетъ. Время не пришло. „Не умѣю я по-человѣческимъ сказывать, а то бы сказалъ“. Вотъ ужо придется весна, „бросить Кострома свою колючку-ежовую шубу, проторѣть глазенки, да изъ овина на всѣ четыре стороны, куда взглянется, и пойдетъ себѣ—къ всенародному искусству.

А пока:

Трамъ-тамъ-тамъ,

Трамъ-тамъ-тамъ,

Тамъ-тамъ,

Тамъ.

„Голосимъ, какъ умѣемъ“, по словамъ Федора Сологуба.

Можетъ, то ужъ и не Ремизовъ будетъ, а, можетъ, и онъ. Я только хочу сказать, что кирпичъ, который онъ несетъ, хороший, настоящій, не то что у „несомнѣнныхъ“ поэтовъ и поэтессъ—впрочемъ, не хочу заражаться манерой А. Бѣлага говорить съ послѣдовательностью поговорки: въ огородѣ бузина, а въ Кievѣ дядя.

Кирпичъ Ремизова это его языкъ. Не въ томъ дѣло, чтобы писать о чертепняхъ, бѣсенятахъ, сатирахъ и сати-ressахъ—на это есть специалисты—а въ томъ, какъ писать. Иной цѣлую книгу напишетъ по самому что ни на есть ученымъ источникамъ, а вы ему не повѣрите. А Ремизовъ выдумаетъ, спросонья соврѣть, въ родѣ:

„Кучерище въ окнѣ игрушки Ѣль“,

или:

„Показали ангелочкамъ шишки“,

или:

„Лѣпій кралъ дороги въ лѣсу да посвистывалъ“,

или:

„Зачесаль чортъ затылокъ отъ удовольствія“

— читатель вѣритъ.

Вся штука въ читателѣ. Лучшія мѣста, вѣрные образы, это тѣ, когда въ толпѣ глаза загораются, смѣхъ вспыхиваетъ и всякий точно рѣбль получитъ.

А такихъ мѣстъ въ книжкѣ „Посолонъ“ много-много.

Она тѣмъ и сильна, что ея образы естественны, не на прокатъ взяты, а сами пришли. „Ромашка съ желтымъ пузикомъ“, бѣсь, у котораго „такое творится, что будь ты кисель киселемъ и то засмѣшься“; мышка, „свистуха отчаянная: самому коту на лапу наступлю, ищи-сищи-вывернусь“: гусыни, которая „несла яйцо, не замѣтила, какъ ужъ день подошелъ къ вечеру“; волкъ, съѣдающій гусей: „ничего не могу подѣлать, я—сѣрый волкъ“; „мохнатая Алена верхомъ на рябиновой палкѣ съ мутовкой на шеѣ“; Пахомъ, топящій „изъ ребячьяго сала свѣчу“:

„Петъка, мальчишка дотопный, маландать куда гораадый“ въдь это все (беру сряду) живъемъ-живое, деревенское. А отъ поэзіи только и надо, чтобы она была живая, алая, какъ морковь, зеленая, какъ овесь,—какая-нибудь, а не никакая.

Неся въ себѣ всѣ черты поэзіи Ремизова, „Посолонъ“ въ тоже время имѣть одно достоинство, недостающее другимъ его произведеніямъ—общедоступность, включая сюда для половины книжки и дѣтей. Ее бы за двугривенный пустить было хорошо.

Много можно было бы распространиться про ароматъ книги, запахъ лѣса, напу задуменную христіанствомъ миѳологію и пр. и пр., но это все уже извѣстно. Благодарная была бы работа изслѣдоватъ ритмъ, присущій языку Ремизова, на основаніи законовъ, открытыхъ проф. Ф. Зелинскімъ въ этой области.

Издание на высотѣ современной книжной техники. Рисунки Крымова милы, какъ мило все, что дѣлаетъ этотъ художникъ, и имѣютъ что-то общее съ содержаніемъ книги въ своей непосредственности и искренности. Хороши птицы и стрекозы на обложкѣ, солнце надъ колосьями на стр. 29. Только не надо непонятностей, какъ на стр. 34 и 41.

Серпій Городецкій.

НИК. ПОЯРКОВЪ ПОЭТЫ НАШІХЪ ДНЕЙ.

Критическіе этюды. Москва. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Самъ авторъ говоритъ о своей книгѣ: это—„бѣглый конспектъ, въ которомъ можно найти общія замѣчанія о наиболѣе интересныхъ представителяхъ современной русской поэзіи“. У автора есть „общія замѣчанія“, но нѣть общей идеи, и тѣмъ стержнемъ, на которомъ нанизаны его „критическіе этюды“, по преимуществу, служить — личная симпатія, кружковой вкусъ. Г. Поярковъ—поэтъ, примыкающій къ новой школѣ русской поэзіи, онъ—участникъ тѣхъ же periodическихъ изданий и альманаховъ, въ которыхъ пишутъ характеризуемые имъ „поэты нашихъ дней“. Такимъ образомъ, для г-на Пояркова, естественно, „наиболѣе интересными представителями современной русской поэзіи“ являются—„свои“, друзья и соучастники по журналамъ и сборникамъ. Конечно, это — не бѣда. Наоборотъ: въ этой близости къ тѣмъ, о комъ пишетъ г. Поярковъ, могла бы заключаться цѣнная возможность интимнѣе, глубже, во многомъ вѣрнѣе понять и опредѣлить тѣ поэтическія индивидуальности и тотъ общій характеръ современной молодой поэзіи, которые такъ дороги и такъ высоко цѣнимы г-номъ Поярковымъ. Къ сожалѣнію, эта возможность не использована авторомъ такъ, какъ можно было бы ждать. „Поэты нашихъ дней“ — книга черновой спѣшной работы,

безъ перспективы, безъ руководящей идеи, безъ шлифовки стиля. Поэты рѣдко бывають хорошими критиками. Непосредственность, восторженность, влюбленность, цѣнныя для поэта, мѣшаютъ критику. Лирическіе взрывы удовольствія перебиваются вдумчивую рѣчь тамъ, гдѣ авторъ пытается опредѣлить сердцевину творчества того или другого поэта. „На берегу Средиземного моря, въ тѣ дни, когда тамъ бываетъ особенно много розъ и сверкаетъ веселіе карнавала, впервые узналь я Бальмонта - поэта. Въ большой комнатѣ библіотеки одного ученаго, между историческими изслѣдованіями и трактатами, я нашелъ запыленную книгу—„Горячія зданія“. И подъ шумъ моря, на берегу, перечитывалъ ее“. Очевидно, не умолкъ еще для г-на Пояркова шумъ моря, не погасло сверканье карнавала, не умеръ запахъ розъ и тогда, когда онъ набрасывалъ страницы своей книги. Отсюда—приподнятость, увлеченность, какая-то умиленная улыбчивость лежать на книгѣ. Отсюда—недостаточная вдумчивость, вѣрность и глубина оцѣнокъ, неровность и пестрота мыслей и языка. И если бы „Поэты нашихъ дней“ суждено было возродиться во второмъ изданіи, можно было бы предложить г-ну Пояркову дать его книгѣ нѣсколько иное заглавіе: „Мои воспоминанія изъ моихъ любимыхъ современныхъ поэтовъ“ (Черновые наброски).

Во всякомъ случаѣ, книгу г-на Пояркова врядъ ли можно назвать излишней. Въ ней есть вѣрное и любопытное, а главное — она одна изъ первыхъ, если не самая первая попытка дать оцѣнку представителямъ молодой русской поэзіи. Человѣку, мало или вовсе незнакомому съ этой поэзіей и вмѣстѣ нечуждому истинно художественныхъ интересовъ въ области литературы, „Поэты нашихъ дней“ окажутъ нѣкоторую услугу „этюдами“ о К. Д. Бальмонте, А. Блокѣ, В. Я. Брюсовѣ, А. Бѣломъ, И. А. Бунинѣ, З. Н. Гиппіусѣ, А. Добролюбовѣ, Вячеславѣ Ивановѣ, И. Коневскомъ, М. Лохвицкой, Д. С. Мережковскомъ, Ф. Сологубѣ и др. И, конечно, въ книгу г-на Пояркова заглянетъ каждый будущій историкъ русской литературной современности.

Складъ.

АЛЕКСАНДРЪ КОНДРАТЬЕВЪ. САТИРЕССА. Миѳологический романъ. Книгоиздательство „Грифъ“. Москва. 1907 г. Стр. 99. Ц. I р.

Красивая тетрадь въ обложкѣ *blanc et noir*, а на обложкѣ—нимфа, пышноволосая, большая и съ длинными руками. Она на странныхъ мохнатыхъ ногахъ и выходить изъ чащи дикихъ розъ.

Слово „satyrresse“ создано задолго до Родена, а на одной флорентійской фрескѣ Дж. Санть-Джованні можно увидѣть